

Петр Перовский

ТУДА

Петр Перовский

ТУДА

<https://litres.ru/73978288>

SelfPub; 2026

Аннотация

ТУДА — это место, откуда не возвращаются.

После катастрофы, превратившей целую страну в выжженный полигон, бывший военный инженер Егор Бойчук дезертирует и отправляется в путь через мёртвую пустошь, заражённые территории и руины старого мира. Он почти ничего не говорит о своей цели. Лишь одно ясно наверняка — ему нужно попасть ТУДА раньше всех остальных.

В пути ему помогают мальчик, потерявший семью, старик, слишком долго проживший в одиночестве, и странный робот по имени Макс, в котором человеческого порой больше, чем в людях.

Но чем ближе Егор подходит к цели, тем страшнее становятся вопросы.

Кто на самом деле начал войну?

Что скрывается в глубине леса?

И почему человечество всё ещё не уничтожено окончательно?

«ТУДА» — мрачный постапокалиптический роман о памяти, вине, человечности и надежде, которая продолжает жить даже среди пепла.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	34
Глава 4	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Петр Перовский

ТУДА

Глава 1

На первый взгляд робот — «жестянка» — был собран кое-как. Но я-то знал: металлический короб на спине, выпиравший горбом, служил не просто корпусом для энергоблока. Внутри теснились сверхпроводниковые катушки резонансного усилителя — в критический момент они давали сервоприводам скачок мощности, что-то вроде роботического адреналина.

Приваренная шайба на левом бедре — грубая, с зазубренными краями — была одновременно противовесом для «горба» и теплоотводом аварийного контура охлаждения. При перегреве она начинала вибрировать — сигнал, что системе пора сбрасывать нагрузку. А ещё через неё можно было обойти авторизацию: достаточно определённым образом стукнуть ключом, чтобы акустический сенсор распознал код и открыл прямое управление.

Я провёл ладонью вдоль стыка брони на плече — там, где пластина слегка выступала над каркасом. Под ней скрывались модули адаптивного ИИ: те самые чипы, которые когда-то запрограммировал мой сын.

В памяти вспыхнул его взгляд — сосредоточенный, живой.

— Папа, смотри, он теперь умеет шутить!

Теперь эти же чипы выбирали момент для неуместных остроумий и заставляли робота хихикать над собственными шутками — даже когда вокруг рвались снаряды.

Я отступил на шаг, окинул творение взглядом. Да, «жестянка» выглядела как свалка запчастей, собранных наспех. Но каждый шов, каждая заплатка, каждый болт здесь были на своём месте. Он был не просто машиной — он был памятью, защитой и единственным другом, который пойдёт со мной туда, откуда обычно не возвращаются.

Я обошёл робота кругом. Взгляд задержался на выцветшей табличке: «АО „ЗАСЛОН“».

В мирное время они делали домашних помощников — роботов, в которых будто и правда теплилось что-то человеческое. Те ухаживали за детьми, рассказывали сказки, следили за стариками, помогали по дому.

Я провёл пальцем по потускневшей надписи. Краска облупилась, буквы местами стёрлись.

А теперь всё это превратилось в машины для убийства.

— Машины лишь средства... — вспомнил я слова Отца Андрея. — Люди убивают людей.

Робот, будто уловив ход моих мыслей, тихо загудел сервоприводами.

— Готов рвать задницы! — внезапно рявкнул динамик на

лицевой панели.

Я быстро шагнул в поле зрения его сенсоров.

— Заткнись, — прошептал я одними губами.

Но Жестянку уже понесло.

— Что ты со мной сделал, Егор? — раздался мальчишеский голос из стереодинамиков. — Раньше я ухаживал за твоим отцом: давление измерял, таблетки напоминал принять, супчик грел... А сейчас... Какие ощущения!

С улицы донёлся подозрительный шум.

Робот замер, прислушиваясь, затем восторженно продолжил:

— У меня активированы силовые контуры третьего уровня! Новые актуаторы, расширенный диапазон движения...

Он внезапно завертел руками, словно миксер. Металлические пальцы пронеслись в миллиметре от моего лица.

— Раньше я подавал стакан воды, а теперь могу метнуть его на пятьдесят метров!

Он схватил со стола стакан с виски и швырнул его в окно.

Стекло взорвалось треском.

Снаружи сразу послышалось:

— Что за шум?

Лязгнул затвор автомата.

— В грудной секции — усиленное охлаждение! — не унимался Макс. — А ещё я теперь выдерживаю прямое попадание плазмы!

Я яростно зашипел:

— Замолчи!

Тяжёлые шаги уже гремели по крыльцу. Доски жалобно скрипели под армейскими ботинками. В дверь коротко, но очень убедительно постучали.

— Что это? — насторожился робот.

Я в панике утопил кнопку mute на панели управления.

Дурак. Забыл, что робота проектировали в мирные времена.

Из всех динамиков на полной громкости грянула детская песенка:

— Деревяшки! Пум-пум-пум...

На лицевом дисплее вспыхнул код: `onMute() { startSong("Деревяшки!"); setVolume(MAX); }` Я ударил гаечным ключом по шайбе на бедре робота как раз в тот момент, когда дверь сорвалась с петель.

В проёме возникли трое.

Первый — коренастый, с тяжёлым плазменным излучателем. Второй — высокий, с потёртым автоматом Калашникова. Третий всё ещё держал штурмовой утяжелитель со встроенным электрошокером.

Все трое уставились на робота, который наконец заткнулся.

— Почему ты не предупредил, что у нас будут гости? — обиженно спросил Макс.

— Это что... робот-сиделка? — неуверенно пробормотал здоровяк с утяжелителем.

Я медленно опустился на колени, положил гаечный ключ на пол и завёл руки за голову.

Только теперь солдаты перевели взгляд на меня.

— Капитан Бойчук! — резко произнёс лейтенант. — Приказ полковника Сараева: взять под арест и доставить в комендатуру!

Здоровяк двинулся ко мне, брякая наручниками.

Робот неожиданно шагнул ему наперерез.

Сервоприводы тихо загудели.

— Режим защиты активирован.

Здоровяк остановился.

— Капитан... отключи свою сиделку, — тихо произнёс он.

— Отключи режим защиты, — устало сказал я.

Робот не шелохнулся.

Только поднял кисть, а затем механически выдвинул средний палец.

Сервопривод сухо щёлкнул, фиксируя положение.

— Капитан, мы тут не шутки шутим! — рявкнул лейтенант. — Отключи эту железяку, или я открою огонь!

Робот медленно повернул голову к нему.

На дисплее вспыхнул код: `if (threat.detected) { activate(defensive_protocol); }`

— Уровень угрозы: средний, — бесстрастно сообщил он. — Рекомендация: отступить на пять метров и опустить оружие.

Лейтенант сглотнул.

— Считаю до трёх! — сказал он дрогнувшим голосом. — Если робот не отойдёт — жажнешь по нему зарядом.

Коренастый нервно крутанул регулятор мощности излучателя. Оружие тихо загудело.

— Смотри брови себе не опали, — хмыкнул я.

— Поздравляю, леди! Ваш уровень угрозы повышен до высокого! — радостно сообщил Макс.

На дисплее вспыхнуло:

THREAT_LEVEL: HIGH

— Один!.. Два...

Я покосился на левое предплечье робота. Там скрывался складной щит.

— Три! — вдруг произнёс Макс.

Громила с утяжелителем шарахнулся в сторону.

Коренастый выстрелил.

Плазменный заряд ударил в развернувшийся щит. Металл раскалился добела, по краям хлестнули голубые молнии. Воздух затрещал от статики.

Я перекатился к шкафу, хватая гаечный ключ.

Грохнула автоматная очередь.

Штукатурка посыпалась мне на плечи.

Потом раздался звонкий удар и вопль лейтенанта:

— А-а-а!

— Не нужно так переживать, это всего лишь голова, — прокомментировал робот.

В следующий миг комнату прорезал энергетический удар. Макса швырнуло через всю казарму. Он раскучорил окно и часть стены, исчезнув в облаке пыли и стекла.

— Я сейчас вернусь! — донеслось с улицы.

Сквозь дым я наконец разглядел комнату.

Лейтенант лежал у входа, прижимая к груди сплюснутый автомат. Коренастый сидел рядом, зажав ладонями глаза и подвывая от боли.

Громила передёрнул затвор утяжелителя. На шипастом наконечнике заискрили синие разряды.

Он двинулся ко мне.

И тут в дверном проёме снова возник Макс.

— Егор, смотри! — радостно сообщил он. — А ведь правда брови опалил! Ты был прав.

Громила взревел и замахнулся утяжелителем.

Макс сместился в сторону почти мгновенно, перехватил оружие, рванул его на себя и коротко ударил громилу ногой в солнечное сплетение.

«Бум!» Здоровяк впечатался в стену и сполз вниз, пытаясь вдохнуть.

Утяжелитель с лязгом упал рядом.

Макс отряхнул манипуляторы.

— Цель нейтрализована. Что дальше, командир?

Я тяжело выдохнул и крепче сжал гаечный ключ.

— Дальше, Макс... мы уходим. И на этот раз — тихо.

*** Шли молча.

Спасибо Макс — не проронил ни слова... До тех пор, пока ночную тишину не разорвал протяжный вой сирены.

— Это из-за меня, походу! — беззаботно сообщил робот.

— Не льсти себе, — отрезал я. — Меня ждёт трибунал...

Я ускорил шаг.

— Я их цель, — добавил уже тише.

Мы пробирались сквозь майскую ночь — влажную, прохладную, полную шорохов и теней. Над тропой сплетались ветви старых деревьев, цепкие кусты тёрна норовили ухватить за одежду.

Макс двигался почти бесшумно. Благодаря избыточной смазке его механизмы работали мягко, лишь изредка выдавая себя едва слышным металлическим скрежетом — ритмичным, почти живым.

Я невольно улыбнулся.

Хорошая всё-таки вышла сборка.

Сирена постепенно стихала вдали, зато рёв моторов и лай собак становились всё ближе.

— Чем же ты им так насолил, Егор? — спросил Макс.

— Кое-что взял без спроса, — уклончиво ответил я.

Робот на несколько секунд замолчал.

Индикатор на его виске мигнул.

— Кое-что — это комплект тактического апгрейда «Фантом-М», — наконец сообщил он. — Усиленные сервоприводы, сенсоры кругового обзора, нейросетевой модуль и адаптивная маскировка. Из-за этого я стал быстрее и незамет-

нее. А ещё система базы «Север-7» считает меня украденным имуществом класса «Альфа».

«Болтливая жестянка», — мысленно выругался я.

Я нырнул под колючую ветку тёрна, но та всё равно полоснула по плечу. Дёрнулся слишком резко — ветка хлестнула Макса по корпусу.

Хрустнуло.

— Постарайся не ломать ветки, — бросил я через плечо.
— Чем меньше следов оставим, тем лучше.

— Принято.

Макс тут же перестроил алгоритм движения. Теперь он сканировал пространство лидаром и аккуратно обходил даже мелкие ветви. Его суставы плавно изгибались, а сервоприводы гудели тихо-тихо — словно машина училась ходить по лесу.

Я остановился, прислушиваясь.

Рёв моторов стал глуше.

Зато лай собак теперь доносился совсем отчётливо.

— Они у леса, — тихо сказал я.

Затем быстро приказал:

— Лидар на триста шестьдесят. Захвати меня в цель...
— я проверил ветер и добавил: — Смещайся юго-западнее метров на сто пятьдесят. Там собаки потеряют след.

— Я так понимаю, приказ «не ломать ветки» отменяется?
— уточнил Макс.

— Отменяется.

На дисплее робота вспыхнул код: "no_branch_breaking": off; noise_level: max; И в следующую секунду он исчез в чаще.

Слева сразу послышались треск ломающихся веток и тяжёлый шум — будто через лес ломился медведь.

Я достал из рюкзака бутылку с синтетическим блокатором запаха, быстро обработал одежду и обувь, затем двинулся дальше.

«Ну да, медведь с лидаром и нейросетью», — невольно усмехнулся я, ускоряя шаг.

Через несколько минут я снова остановился перевести дыхание.

Собаки лаяли уже со всех сторон.

Паника медленно подступала к горлу.

Не выдержав, я вытащил гарнитуру.

— Собаки потеряли мой след?

— Ну надо же! — тут же оживился Макс. — Капитан решил воспользоваться радионяней. Не боишься прослушки?

— Макс... — прорычал я.

Робот мгновенно уловил тон.

— Всё нормально, Егор. Преследователей пятеро, с четырьмя собаками. Над лесом работают три дрона. Отклонение от ложного маршрута — около двухсот метров. Рекомендую сместиться ещё на сто пятьдесят.

— Разрешаю.

— Выполняю!

Я тут же выдернул гарнитуру из уха.

Из динамика донёлся фальшивый плач младенца.

Я прикрыл глаза и несколько секунд просто пытался восстановить дыхание.

Перед побегом я слишком много выпил — теперь похмелье било по вискам тяжёлыми пульсирующими ударами.

Колено тоже начинало ныть всё сильнее.

«Хорошо хоть Макс разбил тот стакан с виски», — подумал я, опускаясь на поваленное дерево.

И вдруг поймал себя на странной мысли.

А что, если он сделал это специально?

Когда-то сын научил робота незаметно избавляться от алкоголя. Жена терпеть не могла, когда я пил. Да и сын говорил, что под градусом я становлюсь злым.

Тогда я бросил.

Но, похоже, Макс до сих пор считал алкоголь угрозой.

А я, похоже, снова начал скатываться.

Я тяжело вздохнул.

Из рюкзака донёлся тихий писк.

Ещё не успев вставить наушник, я услышал приближающийся гул.

Дрон.

Низкий, монотонный, с прерывистым жужжанием двигателя.

— Егор! — тревожно раздался голос Макса.

Я рухнул под дерево и начал судорожно разгребать влаж-

ную землю, пытаясь спрятаться от тепловизора.

— Один из дронов отклонился от ложной цели и движется к тебе, — быстро сообщил Макс. — Запустить протокол «Наследника»?

«Какого хрена...» — мысленно выругался я.

Но вслух не произнёс ни слова.

На таких дронах стояли акустические сенсоры с распознаванием речи.

— Протокол «Наследника» запущен, — сообщил Макс спустя несколько секунд.

Чёрт.

Значит, тихо уйти уже не получится.

Где-то вдали громыхнул взрыв.

Потом ещё один.

Раздался визг собак, рокот автоматных очередей.

Земля подо мной дрогнула.

Гул дрона стремительно нарастал.

Засёк.

В следующую секунду рядом с моей рукой в дерево ударил электрический дротик.

Разряд хлестнул по пальцам, мышцы свело судорогой.

Я вскочил и рванул через кусты.

Ветки били по лицу, колено простреливало болью, но я продолжал бежать.

Над головой жужжал дрон.

Электрические заряды один за другим врезались в кроны

деревьев.

А где-то вдали продолжал греметь проклятый «Наследник».

И вдруг земля исчезла из-под ног.

Я коротко вскрикнул и кубарем полетел вниз.

«Плюх!» Лицо тут же ушло в ледяную жижу.

Я вынырнул, закашлялся и поднял голову.

Дрон уже завис надо мной.

Его корпус мерцал электрическими разрядами.

Плечи сами собой опустились.

«Даже если промахнётся — вода и ток всё равно меня добьют».

И в этот момент из темноты вылетел Макс.

Словно чёртот супергерой.

Он с размаху впечатал кулак в корпус дрона.

Тот заискрил, завертелся в воздухе и рухнул в овраг рядом со мной.

А потом меня ударило током.

Тело мгновенно свело.

Воздух вышибло из лёгких.

«Только бы вдохнуть... Господи...» Когда зрение наконец перестало плыть, я обнаружил себя уже на опушке.

Макс сидел рядом.

В овраге всё ещё искрил разбитый дрон.

Сердце колотилось так, будто собиралось вырваться из груди.

— Дыши глубже, Егор, — спокойно говорил робот. — Медленно. Ровно. Проверь пальцы на руках и ногах. Если чувствуешь жжение — не двигайся.

Кожа на груди саднила.

Я прикоснулся к ней и тут же зашипел от боли.

Рядом валялось молодое деревце, вырванное с корнями.

— Ты был под напряжением, — весело пояснил Макс.

— Пришлось импровизировать. Чем тебе не изолирующая штанга?

Я коротко кивнул и медленно лёг на спину.

Надо мной мерцало звёздное небо.

Лес снова казался спокойным.

Где-то перекликались ночные птицы, стрекотали насекомые, шелестел ветер в кронах.

Ни выстрелов.

Ни сирен.

Будто сама ночь решила дать нам короткую передышку.

— Что ты сделал с преследователями? — прохрипел я.

— Все живы. Ну... относительно.

Я резко повернул голову.

— Что?!

— Судя по медицинским показателям, у одного была температура и насморк, — невозмутимо пояснил Макс и тихо хихикнул.

Я только выдохнул с облегчением.

Без трупов.

Хотя бы так.

Поднявшись на локтях, я вдруг заметил впереди тусклый металлический блеск.

Сетчатый забор.

Граница.

— Граница... — выдохнул я.

Макс протянул мне руку.

— Ну что, Егор... в Незалежную?

Я ухватился за его металлическую ладонь и тяжело поднялся на ноги.

— Независимость — миф, придуманный кукловодами, — устало произнёс я, вспоминая слова Отца Андрея. — Они дёргают за ниточки, а мы танцуем...

Глава 2

Неожиданный смех робота разорвал ночную тишину.

— Ну, Егор! — хохотал Макс, изображая настоящую истерику. Он согнулся пополам и схватился манипуляторами за корпус, будто за живот.

Потом резко выпрямился, поднял палец и торжественно передразнил меня:

— Независимость придумана кукловодами...

И снова зашёлся смехом.

Я раздражённо поморщился.

«Интересно, сколько жести нужно повидать, чтобы он наконец стал серьёзнее?..»

Вместо ответа я достал портативный резак — компактный цилиндр с рифлёной рукоятью. На торце мерцал фокусирующий кристалл.

Я нажал кнопку активации.

Раздалось шипение.

Алый луч плавно прочертил окружность в металлической сетке. Края расплавились и задымились.

Я шагнул в образовавшийся проём.

Макс двинулся следом, всё ещё бормоча:

— Независимость — это танцующие кукловоды на мифических нитках...

Я резко ударил гаечным ключом по шайбе на его ноге.

На табло тут же вспыхнуло:

SILENCE_ACTIV8

— То-то же, — буркнул я.

И тут же Макс резко схватил меня за рукав.

В следующую секунду прогремел выстрел.

Пуля с визгом ударила в выдвинувшийся щит прямо перед моим лицом. Композитная пластина треснула, но выдержала.

Макс мгновенно подскочил меня под колени и рухнул сверху, закрывая корпусом.

Грохнул второй выстрел.

— Турели?! — выдохнул я.

Робот молчал.

На панели бездушно мигал индикатор mute.

Без личности, которую когда-то собрал мой сын, Макс сразу превращался в обычную машину.

От этой мысли стало не по себе.

Я быстро снял блокировку речи как раз в тот момент, когда очередная пуля расколола щит. Осколки пластины и каменная крошка хлестнули по лицу.

Я вжался в мокрую землю.

— Две снайперские турели на возвышении! — коротко сообщил Макс. — Здесь нас разберут!

И прежде чем я успел ответить, подхватил меня на руки и рванул вдоль границы.

Мир превратился в тряску, грохот и свист.

Я слышал, как воют сервоприводы, шипит гидравлика, щёлкают стабилизаторы. Макс петлял между выстрелами, а над нами с воем проносились тяжёлые пули двенадцатого калибра — такие пробивают бетон и превращают машину в груды металлолома.

Внезапно рывок прекратился.

Макс нырнул за огромный валун.

Я прижался к холодному камню, прикрывая голову курткой. Каменная крошка градом сыпалась на плечи.

А робот тем временем спокойно углублял нишу под валуном и как ни в чём не бывало продолжал:

— Мифы — это кукловоды в руках у танцующих ниток...

Я почти не слышал его.

Только повторял про себя:

— Живый в помощи Вышнего...

Единственный псалом, который помнил наизусть.

Макс осторожно уложил меня в углубление под валуном и вдруг спросил совсем другим тоном:

— Молишься?

Я поднял глаза.

На дисплее светились нарисованные пиксельные глаза.

Почти человеческие.

Я молча кивнул.

А потом произнёс то, чего боялся с самого начала:

— Попробуй убрать турели.

— Есть!

Макс козырнул и мгновенно исчез за валуном.

Я сорвал с рюкзака командные очки с гарнитурой, нацепил их и активировал подключение.

Мир дрогнул.

Теперь я видел глазами Макса.

— Живы́й в по́мощи Вы́шняго, в кро́ве Бо́га Небе́снаго водворится... — начал я шёпотом.

Макс вырвался из леса на выжженную равнину.

Земля впереди была чёрной, потрескавшейся, будто после ядерного пожара. Среди пепла торчали редкие деревья — кривые, переломанные.

А на каменистом холме впереди медленно разворачивались турели.

— Рече́т Го́сподеви: Засту́пник мой еси́ и Прибе́жище моё...

Пуля вспорола воздух над головой робота.

Макс резко ушёл в сторону, перекатился между камнями и снова рванул вперёд.

Он двигался так, будто танцевал между выстрелами.

— Яко Той изба́вит тя от се́ти лóвчи...

Робот использовал каждый выступ, каждый обломок как укрытие. Я видел, как он просчитывает траектории, оценивает угол огня.

Потом — прыжок.

В полёте Макс выбросил вперёд электромагнитный заряд.

Вспышка.

Одна турель дёрнулась и замерла.

Вторая успела повернуть ствол, но робот уже оказался рядом. Удар манипулятора — и ствол переломился пополам.

— Плещма Свойма осенит тя...

Третья турель открыла огонь.

Макс исчез из сектора обстрела, обошёл её сбоку и одним движением снёс блок управления.

Тишина.

Только ветер гнал по выжженной земле пепел.

— Долгототою дней исполню его и явлю ему спасение Моё. — выдохнул я последнюю строку псалма.

Макс повернулся в мою сторону и шутливо отсалютовал.

И только теперь я вдруг понял:

— Ты молчал, пока я молился.

— Не хотел оскорбить ваши чувства, капитан, — серьёзно ответил Макс. — За такое сейчас и посадить могут.

Я невольно усмехнулся.

Но улыбка тут же исчезла.

Макс замер.

Совсем неподвижно.

Через его сенсоры я напряжённо взгляделся в горизонт.

Сначала ничего.

Потом... Лёгкое искажение воздуха.

Едва заметное мерцание.

Словно над землёй дрожало раскалённое стекло.

— Макс... — прошептал я.

И тут «призраки» сбросили маскировку.
Восемь андроидов одновременно рванулись с места.
Красные окуляры вспыхнули в темноте.
— Ко мне! Живо! — заорал я.

Макс сорвался с места.

Но даже через сенсоры я понимал: не уйдёт.

«Призраки» были быстрее.

Гораздо быстрее.

И в этот момент воздух прорезал новый звук.

Свист.

Жуткий, режущий, сверхзвуковой.

Я сорвал очки и резко обернулся.

Со стороны части в небо уходил чёрный след ракеты.

Она уже шла сюда.

Следующие секунды растянулись.

Мир словно оглох.

Остался только глухой рокот в костях.

А потом Макс накрыл меня собой.

Удар.

Темнота.

— Егор...

Голос звучал глухо, будто из глубины колодца.

«Почему Егор... а не папа?..»

— Капитан!

В сознание ворвался хаос звуков: скрежет металла, писк

аварийных систем, треск перегретых механизмов.

— Температура слишком высокая, — говорил Макс. — Система охлаждения почти не справляется...

— Очки... — прохрипел я.

— Уже на тебе, капитан.

Я открыл глаза.

Через визоры сразу увидел картинку с сенсоров Макса.

Робот осторожно двигался по краю гигантской дымящейся воронки.

Повсюду валялись расплавленные останки «призраков».

Воздух дрожал от жара.

Я быстро открыл диагностику.

Температура корпуса — сто сорок пять градусов.

Гидравлика перегрета.

Три сенсора мертвы.

Стабилизаторы работают через раз.

Энергопотребление зашкаливает.

Макса мотало из стороны в сторону.

Шайба на ноге вибрировала так сильно, будто сейчас оторвётся.

Я тут же перешёл на ручное управление.

Перед глазами вспыхнул дополнительный интерфейс.

Пальцы заскользили по виртуальной панели.

Я вручную скорректировал центр тяжести, включил аварийное охлаждение и осторожно повёл Макса вдоль края воронки.

Шаг.

Ещё один.

Робот перестал заваливаться.

Температура медленно поползла вниз.

Наконец мы выбрались из зоны взрыва.

Макс остановился.

Корпус мелко дрожал, но уже держался устойчиво.

— Всё, — тихо сказал я. — Дальше сам.

Я соскользнул с его рук.

Ноги дрожали так, будто перегрелась уже моя гидравлика.

Вдалеке показались первые дома Верховины.

И тут динамик Макса захрипел:

— Д-д... Др...

Я напрягся.

Робот пытался что-то сказать, но энергии почти не осталось.

— Дро... Дрон...

Я быстро переключил визоры в режим воздушного распознавания.

Над горизонтом двигалась группа дронов.

Дюжина.

— Да вижу я! — рявкнул я. — Силы береги!

Мы ускорились.

Макс шёл всё хуже.

Сервоприводы трещали.

Наконец робот рухнул на одно колено.

Из сустава брызнули искры.

— Беги, Егор... — прохрипел он.

— Нет.

— Беги!

— Нет, сказал!

— Эй! Сюда! — внезапно донёсся чей-то голос.

Из-за дома появилась тёмная фигура.

Старик.

— Ух ты ж ёжик... — выдохнул он, заметив Макса. —

Чего вцепился в железяку? Бросай её!

— Nie mogę, ojcze! — выдохнул я.

Старик тут же перешёл на польский:

— Zostaw go, głupcze! Razem zdechniemy!

Я упрямо замотал головой.

Старик выругался, подхватил Макса под вторую руку — и мы потащили его вместе.

Робот, будто почувствовав поддержку, даже начал подпрыгивать на одной ноге.

— W lewo! — командовал старик. — Do stodoły! Szybko!

Мы ввалились в сарай.

Старик сорвал кольцо люка, и мы нырнули вниз.

*** Лестница в погреб хрустнула под нами так, будто собиралась рассыпаться в труху.

Я не удержался, перекувырнулся через голову и с размаху впечатался копчиком в бетонный пол.

В глазах вспыхнули искры.

Сквозь грохот падающих досок и тяжёлое дыхание старика я вдруг услышал отчётливый металлический щелчок.

Предохранитель.

Боль мгновенно отошла на второй план.

Я поднял взгляд.

Прямо в лицо смотрело дуло Remington 870.

— Spokojnie, żołnierzu, — спокойно произнёс старик, прижимая меня рукой к полу.

Во второй руке у него блеснул длинный нож.

Он быстро ощупал мои карманы, не сводя взгляда с Макса. Робот лежал неподалёку грудой искорёженного металла и едва заметно дёргал уцелевшим манипулятором.

Я осторожно покосился в сторону.

Напротив стоял мальчишка.

Лет одиннадцати.

Смуглый, худой, в слишком большой куртке.

Он держал ружьё обеими руками. Пальцы дрожали, но взгляд оставался удивительно спокойным.

Слишком спокойным для ребёнка.

Я быстро осмотрелся.

Погреб оказался маленьким: голые бетонные стены, пустые деревянные полки, старый стол посередине. Под потолком тускло горела единственная лампа.

Старик закончил обыск, тяжело поднялся и выложил на стол мои вещи: рюкзак и гаечный ключ.

Потом раскрыл рюкзак.

Достал кейс Tool Pro X-7.

Присвистнул.

Внутри аккуратно лежали прецизионные отвёртки, микрозахваты, мультиметр и миниатюрная паяльная станция.

Старик перевёл взгляд с инструментов на Макса.

Потом на меня.

— Inżynier? — прищурился он.

Я промолчал.

— Я тебя спрашиваю, пёс!

Он резко перехватил у мальчишки ружьё и снова наставил на меня.

— Nie rozumiem... — начал я.

— Хорош брехать! — оборвал старик. — Из тебя поляк такой же, как из меня москаль.

Он презрительно сплюнул.

Я медленно поднял руки.

— Инженер.

— Ага... — осклабился старик. — И как же кацапы отпустили такого ценного специалиста?

— Не отпустили.

Он понимающе хмыкнул.

— Дезертир, значит.

Старик закашлялся, сделал глоток из фляги и вернул ружьё мальчишку.

— Держи его на мушке, Карим.

Мальчик крепче вцепился в оружие.

— И чем же эта граница хуже других? — спросил я, осторожно смещаясь ближе к Максу.

На панели робота тускло мигал индикатор зарядки.

Солнечная станция всё-таки доставала сигналом через сарай.

Снаружи уже начинал сереть рассвет.

— Хуже? — старик мрачно усмехнулся. — Да тут на сотни километров ни души. Один полигон: турели, дроны, экспериментальная дрянь и выжженная земля. Ни еды, ни воды. Только сталь и провода.

Вообще-то именно поэтому я и выбрал этот участок.

Меньше людей — меньше шансов нарваться на патруль.

Только вот живых здесь встретить я совсем не ожидал.

— Но тебя-то встретил, — заметил я.

Старик внимательно прищурился.

Я чуть сместился, закрывая собой слабое оранжевое свечение зарядки на панели Макса.

— А ну не дёргайся! — рявкнул старик, снова закашлявшись. — Не смотри, что Карим ребёнок. Выстрелит — и не дрогнет.

Я посмотрел на мальчика внимательнее.

Смуглое лицо.

Тонкий шрам на щеке.

Карие глаза — слишком взрослые.

Пустые.

«Дитя войны», — подумал я.

Из тех, кто вырос под взрывы и автоматные очереди.

Из тех, кто уже стрелял в людей.

— И что же инженер забыл на краю света? — хрипло спросил старик. — Сбежал, а куда дальше — сам не знаешь?

Я криво усмехнулся.

— А вы что тут делаете? Старик-украинец и мальчишка-иранец. Странная компания. Мародёрствуете?

Старик аж задохнулся от возмущения.

— Та хто ты такий, щоб мене у мародерстві звинувачувати?! — взорвался он. — Я тут народився! Всё життя на цій землі прожив!

Он шагнул ближе.

Глаза налились злостью.

— Ваши дроны меня отсюда не выгонят!

Я тоже почувствовал, как внутри закипает ярость.

— А чего вы ждали?! — рявкнул я. — НАТО захотели? На Запад потянуло? Ну и где теперь ваша страна?!

— Замокни, русня! — прохрипел старик, вырывая ружьё у Карима. — Пристрелю!

— Так стреляй! — шагнул я назад, ближе к Максусу. — Только сначала запомни: протокол семь. Режим «Эпсилон».

Из-за моей спины треснул электрический разряд.

Макс выстрелил прямо в ствол ружья.

Старик вскрикнул и выпустил оружие.

Я поймал его раньше, чем оно ударилось о пол, и тут же навёл на деда.

И в этот момент между нами шагнул Карим.

Молча.

Просто закрыл старика собой.

В его глазах не было страха.

Только вызов.

«Ну давай. Стреляй».

— Не стреляй! — прохрипел дед, пытаясь оттолкнуть мальчика. — Не буду артачиться! Клянусь!

Я медленно выдохнул.

И, не опуская ружья, спросил:

— Макс. Состояние.

— Температура тела: тридцать семь и восемь. Ожоги первой степени. Радиационный фон в пределах допустимого...

— Да не моё!

— Корпус: множественные пробоины. Потеря двух манипуляторов. Критический износ сервоприводов. Повреждение системы охлаждения. Энергозапас — двенадцать процентов.

Голос Макса искажался помехами.

— Требуется комплексный ремонт.

Старик неожиданно деловито кивнул.

— М-да... В копеечку влетит.

Он осторожно покосился на работа.

— Но детали достать можно... если стрелять не собираешься.

Я наконец чуть опустил ствол.

— Пока не собираюсь.

— Тогда договорились.

Старик медленно снял вязаную шапку.

Седые редкие волосы блеснули в свете лампы.

— Владимир Александрович.

— Егор.

Карим всё ещё стоял напряжённый, не сводя с меня глаз.

А дед вдруг неожиданно хлопнул в ладоши и будто ментально сменил настроение.

— Ну всё! Хватит собачиться!

Он бодро подошёл к Максусу и похлопал его по раскалённому корпусу.

Тут же зашипел и отдёргнул руку.

— Ох ты ж ё...

Макс в ответ выпустил из системы охлаждения длинную струю пара.

Будто тоже устало выдохнул.

Глава 3

Владимир Александрович то и дело оглядывался назад — туда, где среди дыма и искорёженного металла остались обломки «призраков».

Даже отсюда было понятно: кое-что могло уцелеть.

Маскировочные пластины.

Оптические сенсоры.

Энергоблоки.

Редкие детали стоили целое состояние.

— Эх, зря уходим... — с тоской пробормотал старик. —

Такие железки на чёрном рынке с руками оторвут...

— Не стоит возвращаться, — отрезал я. — После взрыва там фонит как в аду. И дроны могут вернуться в любую минуту.

Я не стал добавлять главное: Со стороны России одной ракетой всё точно не закончится.

Старик недовольно крикнул.

Слишком уж настойчиво его тянуло обратно.

«Значит, они здесь не одни промышляют», — отметил я про себя.

Но вслух ничего не сказал.

Мы двинулись дальше.

Через несколько минут Владимир Александрович нагнал меня.

— Может, и прав ты, Егор... — буркнул он, снимая шапку и вытирая пот. — Позже вернёмся. Авось звірі всё не растащат...

Он резко осёкся.

Слишком резко.

И тут же поспешил сменить тему:

— Надо же... смеётся...

Впереди действительно слышался смех.

Карим хохотал, наблюдая за Максом.

Робот прыгал на одной ноге.

После взрыва сервопривод в колене заклинило в полусогнутом положении, но стабилизаторы ещё работали — и теперь Макс передвигался странными подпрыгиваниями, напоминавшими нелепый танец.

Я запретил ему разговаривать.

Каждый процент заряда был на вес золота.

Да и болтовни сейчас хватало без него.

Старик, похоже, нервничал — и потому говорил без остановки.

— Тут сады раньше были... — бормотал он. — Яблони, вишни... Весной всё цвело. Красота такая стояла... А теперь — пепел да железо...

Я слушал вполуха.

Гораздо внимательнее я изучал местность.

Выжженная земля тянулась до горизонта.

Редкие ориентиры сразу врезались в память: покосивший-

ся столб с оборванными проводами, ржавая цистерна, чёрные валуны у пересохшего канала.

Если придётся возвращаться — пригодится.

Хотя сам я в возвращение не верил.

В моей истории не было приписки «... и обратно домой».

— Мы пацанами вон у того холма карасей ловили... — продолжал старик. — А потом война пришла — и всё. Ни речки. Ни пацанов...

— Владимир Саныч, — перебил я, глядя на индикатор заряда Макса. Меньше пяти процентов. — Далеко ещё?

— До вечера дойдём...

Я тяжело выдохнул.

Не дотянет.

Старик заметил мой взгляд.

— Заряда мало?

— Охлаждение жрёт слишком много энергии, — пояснил я. — Всё повреждено. Системы работают на пределе.

Я поднял глаза к солнцу.

— Если погода не испортится — часа четыре протянет.

Старик выругался сквозь зубы.

— Тогда возвращаемся. Пересидим в подвале, зарядим твою железяку — и дальше пойдём.

В этот момент Макс вдруг остановился.

Развернулся к нам.

И начал резко махать манипулятором.

Сначала в сторону Верховины.

Потом на нас.

Потом снова туда.

— Говори, — приказал я.

Робот выдал только одно слово:

— Сыщик.

Меня будто ледяной водой окатило.

Старик сразу заметил перемену в лице.

— Егор... Ты чего?

— Назад нельзя, — тихо ответил я и ускорил шаг.

Когда я поравнялся с Каримом, тот как раз пинал камешек и весело подпрыгивал рядом с Максом.

Обычный ребёнок.

Если не смотреть по сторонам.

Если не замечать мёртвую землю вокруг.

Если не знать, что такое война.

На миг мне стало невыносимо жаль их обоих.

Потому что теперь сыщик шёл и за ними тоже.

Сыщик... От одного этого слова по спине побежали мурашки.

Я помнил X-7 ещё со времён своей первой попытки дезертирства.

Тогда меня приказали взять живым.

Только вот у сыщика слово «живым» трактовалось очень своеобразно.

Двухметровая машина.

Композитная броня.

Инфракрасные сенсоры.

Термальное зрение.

Встроенное оружие.

Он не спал.

Не уставал.

Не сомневался.

Он просто шёл по следу.

А потом находил цель.

Всегда.

— Идём в Староселье, — твёрдо сказал я.

— Нет! — вскинулся старик. — Лучше работа прикопать!

Завтра вернёмся!

— Завтра может не наступить.

— Ты не понимаешь! — почти выкрикнул он. — Нельзя нам в Староселье! Звери там!

Он снова осёкся.

Я раздражённо махнул рукой.

— Плевать.

И двинулся дальше.

— Не отставать!

Старик с Каримом поспешили следом.

Владимир Александрович нервно тербил ушанку.

Карим переводил взгляд с меня на деда, явно ничего не понимая.

— Егор... — тихо позвал старик спустя какое-то время.

Я обернулся.

Он стоял чуть позади.

Уставший.

Сутулый.

Будто постаревший ещё лет на десять за последние часы.

Карим прижимался к нему плечом.

И вдруг меня кольнуло странное чувство.

Мальчик совсем не похож на Максимку.

Ни лицом.

Ни голосом.

Но в его взгляде было что-то до боли знакомое.

Та же детская беззащитность, которую война ломает первой.

— Отдай ружьё, а? — устало попросил старик. — Не наша это драка...

Он снял рюкзак и начал в нём рыться.

— У меня припасы есть... детали какие-то... Помогу вам, чем смогу...

Я почувствовал неприятный ком в горле.

Странное ощущение.

Будто слёз внутри давно уже не осталось — а боль всё равно никуда не делась.

— Домой вам тоже нельзя, Саныч, — тихо сказал я. — Сыщик свидетелей не оставляет.

Старик замер.

Медленно поднял на меня взгляд.

И достал из рюкзака самодельный пистолет.

Кривой.

Обмотанный изолентой.

С перекошенным затвором.

— Не заставляй, Егорка... — измученно выдохнул он. —

Отдай ружьё по-хорошему... И идите с железкой хоть на все четыре стороны...

Я посмотрел на пистолет.

Потом на старика.

Печально покачал головой.

— Не успеешь, Саныч.

— Чего?..

— Он не заряжен.

Старик ещё несколько секунд держал пистолет в дрожащей руке.

Потом медленно опустил его.

Сел прямо на рюкзак.

Снял ушанку.

И вдруг разрыдался.

Тихо.

Тяжело.

По-стариковски.

Карим молча подошёл ближе и положил маленькую ладонь ему на плечо.

Осторожно.

Почти испуганно.

Я растерянно застыл.

Никогда не умел утешать людей.

Особенно близких.

Стоило увидеть чужие слёзы — и я будто каменел.

Не знал, что сказать.

Как прикоснуться.

Внутри сразу закипала злость на самого себя, а со стороны, наверное, казалось, будто я раздражён или вовсе равнодушен.

Из-за этого любые мои попытки поддержать кого-то обычно заканчивались ещё большей неловкостью.

И сейчас было так же.

Я стоял рядом.

Смотрел на сгорбленного старика.

На дрожащие плечи.

На Карима, который гладил его по спине.

И чувствовал себя совершенно беспомощным.

К счастью, рядом был Макс.

Робот неуклюже подпрыгал ближе, взмахнул манипулятором и бодро заявил:

— План Б: идём вперёд! Без страха! И желательно без модельного оружия!

Карим прыснул.

Потом засмеялся уже по-настоящему.

Звонко.

Искренне.

Владимир Александрович поднял голову.

Посмотрел на смеющегося мальчика.

И вдруг сам невольно улыбнулся сквозь слёзы.

Сначала робко.

Потом тихо рассмеялся.

Через минуту Владимир Александрович уже поднимался на ноги.

Спрятал пистолет обратно.

Натянул ушанку.

Посмотрел на Карима.

Потом виновато — на меня.

И молча зашагал в сторону Староселья.

*** Чем ближе мы подходили к деревне, тем сильнее портилась погода.

Небо впереди наливалось свинцовой чернотой.

Ветер приносил редкие капли дождя.

И ещё один запах.

Тяжёлый.

Мускусный.

Звериный.

— Хорошо, что ветер оттуда, — пробормотал старик. — Обойдём деревню незаметно.

— А укрытие? — спросил я, проверяя батарею Макса.

Два процента.

Старик помедлил.

— Есть тут башня... водонапорная...

Он произнёс это с такой неохотой, будто вспоминал что-

то очень плохое.

Новый порыв ветра донёс далёкий лай.

Карим поморщился.

— Псы? — спросил я.

— Волки, — коротко ответил старик.

И свернул с дороги.

Впереди показалась башня.

Высокая.

Ржавая.

С массивным резервуаром наверху.

Когда-то она снабжала водой всё Староселье.

Теперь выглядела как мёртвый страж посреди выжженной пустоши.

— Не слышно воды... — с досадой заметил я.

Старик ничего не ответил.

Он всё сильнее мрачнел по мере приближения к башне.

Карим тоже это чувствовал — мальчик невольно прижался к деду.

Я подошёл к основанию башни.

Провёл ладонью по металлу.

И замер.

На стали тянулись глубокие борозды.

Следы когтей.

Будто кто-то пытался забраться внутрь.

— Саныч... — тихо позвал я. — Что здесь произошло?

Старик вздрогнул.

Долго молчал.

Потом глухо произнёс:

— Многое.

И отвернулся.

Ветер снова принёс вой.

На этот раз гораздо ближе.

— Один процент, — напомнил я. — Или сейчас заходим, или потом потащим Макса на себе.

Старик кивнул.

Мы обошли башню.

У двери висел ржавый навесной замок.

Владимир Александрович похлопал себя по карманам и растерянно выдохнул:

— Ключ потерялся...

— У меня свой есть.

Я уже держал в руке гаечный ключ.

Один удар.

Замок слетел.

Дверь со скрежетом открылась.

Внутри пахло ржавчиной и сыростью.

Старик включил фонарь.

Луч света выхватил старые трубы, насосы и толстый слой пыли на них.

— Наверх, — хрипло сказал он, указывая на винтовую лестницу. — Там каморка...

Я отправил Макса первым.

Лестница жалобно скрипела под его весом.

Наверху действительно оказалось что-то вроде жилого помещения.

Прихожая.

Крохотная душевая.

Комната отдыха.

Кто-то когда-то пытался сделать здесь дом.

На стенах ещё висели остатки обоев.

У окна стоял самодельный стол.

На полу лежал выцветший коврик.

И тут я заметил фотографию.

Разбитую.

В треснувшей рамке.

Молодой парень и девушка улыбались в объектив.

На стекле засохли бурые пятна.

Кровь.

Я уже шагнул к спальне, но старик вдруг остановил меня рукой.

— Егор... Подожди тут.

В его голосе было что-то такое, что я молча кивнул.

Он ушёл внутрь комнаты.

Карим хотел было пойти за ним, но я покачал головой.

Не стоит.

Макс тяжело опустился в прихожей и окончательно отключился.

Я передал Кариму солнечную батарею.

— Поставь ближе к окну.

Мальчик кивнул.

Я заглянул в душевую.

Повернул вентиль.

Трубы задрожали.

Кран несколько раз плюнул ржавчиной.

А потом потекла вода.

Тонкая рыжая струя.

Я даже улыбнулся.

Хоть что-то в этом мире ещё работало.

Я вышел обратно в прихожую.

Карим сидел у окна и ковырял проволокой пересохшую землю в цветочном горшке.

Снаружи хорошо просматривался подход к башне.

Если кто-то появится — мы заметим заранее.

Я жестом показал мальчику следить за окрестностями, а сам подошёл к двери комнаты, куда ушёл Владимир Александрович.

Изнутри доносились приглушённые всхлипы.

Я помедлил.

Потом всё-таки вошёл.

В комнате стояла полуторная кровать.

Рядом — детская колыбель с выцветшими погремушками.

У окна — маленький столик и два стула.

На столе до сих пор стояла посуда, покрытая толстым сло-

ем пыли, будто хозяева ушли всего на минуту... и так и не вернулись.

За окном тянулся мёртвый лес.

Искривлённые деревья.

Выжженная земля.

Ни единого признака жизни.

Старик стоял на коленях у кровати.

В руках он сжимал скомканную простыню.

Только теперь я понял, почему ткань казалась такой тёмной.

Кровь.

Старая.

Запёкшаяся.

Плечи Владимира Александровича дрожали.

Тихо.

Беззвучно.

Мне сразу захотелось уйти.

Оставить его одного.

Я даже сделал шаг назад, но половица под ногой предательски скрипнула.

Старик вздрогнул и резко обернулся.

На лице мелькнул испуг.

Будто я застал его за чем-то постыдным.

— Саныч... я не хотел, — тихо сказал я.

Он быстро замотал головой и попытался спрятать простыню за спину.

Нервно.

Неловко.

От этого стало только тяжелее.

— Я не буду спрашивать, — произнёс я после паузы. —

Не моё это дело.

Старик долго смотрел на меня влажными глазами.

Потом едва заметно кивнул.

В этом взгляде было столько усталости, что у меня внутри всё сжалось.

Война ломала людей по-разному.

Кого-то сразу.

Кого-то медленно, годами.

Но целым после неё не оставался никто.

Я неловко переступил с ноги на ногу и тихо сказал:

— Я вниз схожу. Насос посмотрю. Может, воду удастся запустить.

Старик ничего не ответил.

Я вышел из комнаты и задержался у разбитой фотографии в коридоре.

Теперь я почти не сомневался.

Молодой парень на снимке — Владимир Александрович.

Рядом жена.

Колыбель.

Кровь на простыне.

Все куски постепенно складывались в одну страшную картину.

Сердце неприятно сдавило.

Я спустился вниз и поставил фонарь возле старого насоса.

Ржавые трубы.

Заклинившие механизмы.

Запах сырости и мазута.

«Сколько же судеб перемолола эта проклятая война...» —

думал я, доставая инструменты.

Владимир Александрович.

Карим.

Я.

Сколько людей исчезло.

Сколько домов опустело.

Сколько жизней оборвалось в один миг.

Я до боли сжал рукоять гаечного ключа и принялся за работу.

Крутил гайки.

Дёргал заевшие рычаги.

Стучал молотком по проржавевшему корпусу.

Словно пытался заглушить этим шумом собственные мысли.

Постепенно насос начал поддаваться.

И вместе с этим меня снова потянуло в прошлое.

Я будто снова оказался возле дома.

Стоял в котельной у газового котла, который сам когда-то установил.

В руке — тот же самый гаечный ключ.

С улицы доносился смех сына.

Максим возился с роботом-сиделкой.

Потом дверь приоткрылась.

— Пап, мама зовёт ужинать!

Я не оборачиваясь затянул болт и ответил:

— Иду! Подай отвёртку!

— Не могу! — донеслось в ответ. — Макс поможет!

Сын убежал обратно в дом, прижимая телефон к уху.

Робот подошёл ко мне и серьёзным механическим голосом заявил:

— Согласно статистике, девяносто девять процентов отвёрток находятся рядом с мастером. Рекомендую проверить собственные карманы.

Я тогда даже усмехнулся.

Максим отлично поработал с его «мозгами»...

А потом был свист.

Резкий.

Рвущий воздух.

И сразу — темнота.

Я даже не услышал сам взрыв.

Только почувствовал в ладони рукоять гаечного ключа.

Того самого.

Единственного, что осталось от прошлой жизни.

Насос вдруг дёрнулся.

Заскрипел.

Задрожал всем корпусом.

И заработал.

Глухой гул разнёсся по башне.

Я невольно замер.

Большинство механизмов, к которым я прикасался, рано или поздно удавалось починить.

Но людей чинить я так и не научился.

Ни себя.

Ни чужие судьбы.

— Егор! — донеслось сверху.

Я вскинул голову.

— Что такое?!

— Дверь запирай! Звірі идуть!

Я рванул к выходу.

Дверь захлопнулась с металлическим грохотом.

Рядом валялась тяжёлая стальная труба — я подтащил её и намертво подпёр створку.

Снаружи уже слышалось рычание.

Низкое.

Хриплое.

Будто вокруг башни собиралась целая стая.

Я метнулся обратно к насосу.

Нащупал вентиль.

С силой провернул заржавевшую рукоять.

Из патрубка с шипением ударила вода.

Мутная.

Ржавая.

Она быстро растекалась по бетонному полу.

— Егор! Быстрее! — крикнул сверху старик.

В его голосе впервые прозвучала настоящая паника.

— Иду!

Я бросился к лестнице.

Вода уже доходила до щиколоток и мешала двигаться.

Снаружи металл вдруг содрогнулся от мощного удара.

Потом ещё одного.

Башня загудела.

По стенам заскрежетали когти.

Тяжёлые лапы с силой били по железу.

Стая добралась до входа.

Я быстро поднимался наверх, цепляясь за мокрые перила.

Где-то внизу снова раздался удар.

Настолько сильный, что лестница дрогнула под ногами.

Следом прокатился протяжный вой.

Не один.

Сразу десятки глоток.

От этого звука по коже пробежал холод.

Запыхавшийся, весь в мазуте и ржавчине, я буквально
ввалился в каморку.

Макс по-прежнему сидел у стены.

Тёмный.

Неподвижный.

Я рухнул рядом, стащил рюкзак и тяжело выдохнул:

— Запуск.

Внутри робота что-то щёлкнуло.

Через секунду раздалась старая мелодия загрузки Windows.

В другой ситуации меня бы это повеселило. Но сейчас было не до этого.

— Макс, полный анализ окружения, — быстро приказал я.

Карим стоял у окна, вцепившись в рукав старика.

Владимир Александрович не отрывал взгляда от темноты снаружи. Лицо у него стало серым. Осунувшимся.

— Радиус сканирования? — уточнил робот.

— Три километра.

Макс замер на секунду.

Потом заговорил ровным механическим голосом:

— В радиусе трёх километров обнаружено двадцать семь крупных теплокровных объектов. Скорость движения — от восьми до двенадцати километров в час. Курс — прямо к башне. Вероятность нападения — девяносто восемь процентов.

Снаружи снова раздался удар.

Металл жалобно загудел.

— Тип объектов: мутировавшие волки, — продолжал Макс. — Размеры превышают стандартные показатели на тридцать-сорок процентов. Уровень агрессии — экстремальный.

Карим сильнее прижался к деду.

Старик машинально обнял его за плечи.

— Дополнительная угроза, — сообщил робот после короткой паузы. — В четырёх километрах к северо-западу обнаружен движущийся объект.

Я медленно поднял голову.

— Скорость — пять километров в час. Предположительный тип: робот серии X-7. Вероятность совпадения — семьдесят семь процентов.

В комнате стало тихо.

Слишком тихо.

Только снаружи скрежетали когти.

И глухо выл ветер.

Сыщик приближался.

Медленно.

Неотвратно.

А вокруг башни вдруг раздался протяжный вой стаи.

Глава 4

Я посмотрел на Карима. Глаза у мальчишки были огромные от страха, но он не плакал. Перевёл взгляд на Саныча — тот сжал кулаки так, будто и правда собирался драться голыми руками. Макс стоял неподвижно, только сенсоры нервно мерцали, просчитывая варианты.

Мысли метались одна за другой: «Сколько у старика осталось патронов? Макс едва держится — если твари ворвутся внутрь, он сможет прикрыть разве что Карима. Есть ли здесь что-то горючее? Ловушки? Хоть что-нибудь?..»

— Егор, — хрипло спросил Владимир Александрович. — Что делать будем?

Я глубоко вдохнул.

— Обороняться.

Повернулся к Максиму:

— Приоритет защиты — Карим. Активируй протокол «Наследник».

Индикатор мигнул.

На лицевой панели вспыхнуло:

PROTECT_KARIM_INHERIT

— Просканируй башню. Нужно всё горючее.

Над полом вспыхнула голограмма.

Схема башни.

Красные отметки.

Бочка мазута.

Старая солярка.

Две гранаты РГД-5 в рюкзаке Саныча.

Старик, увидев это, только шумно выдохнул.

— Ну ты и запасливый, Саныч...

Но Макс уже продолжал:

— Обнаружены ещё две органические цели. Предположительно гуманоиды. Размер превышает человеческий на тридцать-сорок процентов. Скорость сближения — восемь километров в час.

Я заметил, как лицо старика стало серым.

И в этот момент в спальне раздался звон стекла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.